

Однако, видя, что Сюй Синчжи не любит стеснения, Мэн Чунгуан немного расслабил мышцы рук и прошептал:

— Старший брат, поспи еще немного.

Сюй Синчжи наконец-то устроился поудобнее, слегка размял ноющую поясницу и прищурился, глядя в потолок.

Поскольку Сюй Синчжи не закрывал глаз, Мэн Чунгуан неотрывно смотрел на него:

— Почему не спишь?

— ...Снаружи свет, — ответил Сюй Синчжи.

В Диких землях не было солнца — лишь вечно висящий на западном небосводе световой диск. Он напоминал луну, но его сияние было настолько дешевым и призрачным, словно тающая на глазах фруктовая леденец. Здесь не существовало смены дня и ночи, с утра до вечера тянулись одинаковые пасмурные сумерки. Свет был, но не яркий, словно время застыло в вечном хмуrom вечере.

Мимолетное касание губ окончательно прогнало сон, а в такой обстановке и вовсе не хотелось спать. Несмотря на усталость, Сюй Синчжи не чувствовал желания погружаться в дрему.

Спустя мгновение свет в комнате начал гаснуть, пока не исчез вовсе, поглощенный тьмой.

Сюй Синчжи в изумлении оглянулся: у окна зашевелились лианы, с шорохом сплетаясь в густую растительную сеть. Они дюйм за дюймом перемалывали и отсекали свет, проникавший снаружи.

Комната погрузилась в глубокую, непроглядную мглу.

Мэн Чунгуан понизил голос и осторожно спросил:

— Старший брат, так лучше?

Сюй Синчжи уже не видел лица Мэн Чунгуана, но этот заискивающий тон, напоминающий скулеж щенка, почему-то заставил его смягчиться.

— Неплохо.

Голос Мэн Чунгуана звучал мягко и вкрадчиво:

— Я послушный?

Сюй Синчжи едва не рассмеялся:

— Сойдет.

Мэн Чунгуан попросил:

— Тогда... старший брат, обними меня, пожалуйста.

Сюй Синчжи промолчал.

— Ну хотя бы разок, — заканючил Мэн Чунгуан. — Считай, что это награда...

Не успел он договорить, как Сюй Синчжи одной рукой крепко прижал его к груди. Словно боясь, что тот решит, будто это лишь иллюзия, Сюй Синчжи левой рукой похлопал его по спине.

Сюй Синчжи был холоден, и от прикосновения его ладони Мэн Чунгуана пробрала дрожь. Место, которого коснулась рука, на миг онемело, а затем вспыхнуло, словно от огня.

Он замер, пребывая в немом восторге.

Сам Сюй Синчжи не знал, почему вдруг решил его обнять. Просто смутно чувствовал: если сейчас не приласкать, Мэн Чунгуан снова начнет накручивать себя, устроит переполох, приплетет сюда Цзючжи Дэн, и этому не будет конца.

Он тихо скомандовал:

— Не балуйся. Спи.

Мэн Чунгуан промолчал. Он вцепился в полы одежды Сюй Синчжи и уткнулся лицом ему в грудь, затихнув, словно прирученный зверек.

Ощущая его близость, Сюй Синчжи не почувствовал раздражения — напротив, чужое тепло убаюкало его, и не прошло и четверти часа, как он провалился в глубокий сон.

Когда Сюй Синчжи уснул, Мэн Чунгуан выбрался из его объятий и с предельной осторожностью взял его за руку, прижимая ладонь старшего к своей макушке. Он с удовольствием терся головой о его руку, довольно щурясь.

Голова, спина, плечи, щеки — неважно где, лишь бы старший брат гладил его, ему нравилось все.

А Сюй Синчжи снова увидел во сне маленького Мэн Чунгуана.

Вернее, воспоминания прежнего владельца тела вновь ворвались в его сознание, продолжаясь с того же места, где оборвались в прошлый раз.

...Когда он заметил странное сияние на подвеске у себя на шее и прибыл на гору Тайхуа, ноги Сюй Синчжи все еще дрожали.

Стоило вспомнить картину, как это членистоногое существо шевелилось на ладони Вэнь Сюэчэня, как по спине пробежал холодок.

Но, увидев бегущих навстречу учеников разных кланов, он отбросил все мысли. Сделав несколько быстрых шагов, он схватил за плечо одного из адептов горы Фэнлин, одетых в белое, как и он сам:

— Что случилось?

Увидев Сюй Синчжи, ученики, облаченные в одеяния разных сект, бросились к нему, словно зверята к матери, и окружили его.

Тот адепт, бледный как полотно, дрожал всем телом:

— Старший брат Сюй... Сюй... Сюй...

Сюй Синчжи схватил его за ворот и огрел веером по голове:

— Говори!

Ученик со слезами на глазах подогнул колени, едва не повиснув на Сюй Синчжи:

— Мы просто хотели достать чешую Фэйи... не думали, что разбудим его...

Сюй Синчжи нахмурился.

Гора Тайхуа возвышалась на тысячи футов, и в ее недрах обитал редкий зверь Фэйи — шестиногий, четырехкрылый, питающийся кровью. Он спал почти круглый год, но был невероятно чутким: стоило его разбудить, как он впадал в ярость и клялся изничтожить обидчика.

Из лесной чащи донесся оглушительный рев, подобный грому. Ряд деревьев с грохотом рухнул, подняв облако пыли и пепла. Мощные волны духовной энергии заставили молодых адептов дрожать так, что они не могли вымолвить ни слова.

Сюй Синчжи быстро пересчитал людей и спросил:

— Есть ли еще кто в лесу? Сколько вас было за чешуей?

Ученик огляделся:

— Кажется, одного не хватает... он сказал, что прикроет отход...

Лицо Сюй Синчжи изменилось:

— Разве я не говорил вам: если разгневали зверя — бегите? Разве такие, как вы, внешние ученики, способны справиться с подобными древними чудовищами?

Он призвал духовный свет, и, подгоняемый ветром, бросился в глубь леса.

Приблизившись к эпицентру бушующей энергии, Сюй Синчжи увидел, как шестиногий змееподобный зверь держит в когтях юного ученика в одеяниях долины Цинлян.

Тело Фэйи было покрыто острой, блестящей чешуей, массивная змеиная голова высоко

вздымалась, а из ноздрей вырывались языки пламени. Зверь раскрыл пасть, собираясь проглотить сопротивляющегося юношу.

Видя, что парня вот-вот испепелят, Сюй Синчжи сделал два шага по воздуху и метнул свой складной веер, словно молнию.

В полете веер превратился в трехзубый клинок и с силой вонзился в затылок Фэйи.

При столкновении раздался лязг, и клинок разлетелся на куски. Панцирь зверя был слишком прочен, и эта атака не нанесла ему вреда, но этого хватило, чтобы отвлечь его внимание.

Сюй Синчжи развернул правую руку, и обломки клинка вернулись к нему, вновь собравшись в веер.

В одно мгновение он с невероятной дерзостью прыгнул прямо на голову Фэйи, пригибая ее к земле, а затем пробежал по его скользкой, омерзительной спине. Вычислив уязвимое место, он превратил веер в меч Юйчан.

Сюй Синчжи вложил всю свою энергию в удар, и клинок вспорол плоть зверя!

Фэйи взревел от боли, разжал когти и бросился на Сюй Синчжи. Юноша начал падать, и, видя, что он летит прямо на скалы, Сюй Синчжи превратил меч в полоску белого шелка. Ткань, словно стрела, метнулась вперед, обернулась вокруг парня, и резким рывком Сюй Синчжи притянул его к себе.

Спасши человека, Сюй Синчжи не стал ввязываться в дальнейший бой. Он подхватил юношу и бросился прочь.

Фэйи, раненый и разъяренный, не собирался отступить. Он взревел и пустился в погоню. Зверь казался неуклюжим, но двигался с быстротой молнии. Каждый его шаг отдавался в теле Сюй Синчжи кровавой волной.

...Ну и приставучая тварь.

Сюй Синчжи лихорадочно соображал, как оторваться от преследователя, когда почувствовал исходящую от юноши в его руках странную волну энергии.

Фэйи за спиной вдруг истошно взвыл.

Сюй Синчжи обернулся и увидел, как из-под земли появился полусгнивший костяной тигр. Он вцепился в хвост Фэйи, и даже когда тот начал рвать его на части, не разжимал челюстей.

Это жуткое создание выиграло им время.

Сюй Синчжи вздрогнул и посмотрел на того, кого держал в руках.

Юноша был обмотан белым шелком, видны были лишь глаза, но они отливали мертвенно-зеленым цветом, как у лисьего духа.

Шелк во многих местах пропитался кровью из ран юноши, но тот, стиснув зубы, продолжал

управлять костяным тигром, заставляя его терзать Фэйи.

...От него исходила густая, ни с чем не спутаешь, аура призрака.

Лишь оторвавшись от погони, Сюй Синчжи остановился, чтобы перевести дух.

Он размотал шелк, превратил его в бамбуковую флягу и набрал воды из ручья. Юноша был тяжело ранен и истощен, без помощи Сюй Синчжи он не смог бы сделать и шагу.

Опомнившись после схватки, юноша понял, что, применив магию призраков, выдал себя. Он мучительно сжимал края своего изорванного синего халата, мечтая провалиться сквозь землю.

Сюй Синчжи протянул ему флягу и прямо спросил:

— Ты культиватор-призрак? Потомок народа Минъя?

Юноша не смел ни взять воду, ни ответить.

Сюй Синчжи спокойно продолжил:

— Насколько мне известно, государство Минъя пало шесть лет назад.

Юноша задрожал, готовый разрыдаться:

— Старший брат Сюй...

Сюй Синчжи не дал ему времени собраться с мыслями:

— Будучи потомком призрачного рода, зачем ты проник в долину Цинлян? Что ты замышлял?

Раненый юноша в отчаянии опустился на колени и поднял лицо:

— Старший брат Сюй, я не пробирался в секту намеренно... Мои родители погибли, мне было некуда идти. Я случайно узнал, что долина Цинлян набирает учеников с духовными корнями, и я...

У юноши было миловидное детское лицо, а когда он поджимал губы, на щеке появлялась глубокая ямочка. Сейчас его глаза из бледно-зеленых стали черными, круглыми и полными чистого страха.

По его поведению Сюй Синчжи понял, что это лишь мальчишка, едва начавший осваивать призрачные искусства. Скорее всего, он — полукровка, рожденный от человека и призрака, обладающий двойными меридианами, способный практиковать как праведные, так и темные техники. Вероятно, именно из-за этой особенности в долине Цинлян не заметили подвоха.

Хотя его попытка прикрыть других учеников была глупой и безнадежной, Сюй Синчжи не чувствовал к нему неприязни.

Он наклонился и мягко спросил:

— Не спеши, говори медленно. Для начала скажи, как тебя зовут?

Юноша прикусил губу и едва слышно ответил:

— Лу... Лу Юйцзю.

Лу Юйцзю, запинаясь, поведал свою историю.

Один бродячий культиватор-призрак, странствуя по миру смертных, полюбил простую девушку. Он покинул Минъя и остался с ней.

Когда родился Лу Юйцзю, мать сильно заболела и скончалась, когда мальчику было три года.

Отец впервые познал горечь утраты и, не выдержав боли, оставил сына и ушел вслед за возлюбленной.

У матери осталась младшая сестра, которая воспитывала Лу Юйцзю до восьми лет. Но из-за того, что она была вынуждена растить чужого ребенка, никто не хотел брать ее в жены.

Поняв, что он лишь обуза для тети, маленький Лу Юйцзю собрал узелок и ушел из дома, чтобы искать путь совершенствования.

Так он и попал в долину Цинлян.

Лу Юйцзю робко попросил:

— Старший брат Сюй, я не хочу вредить праведным, я просто ищу место, где можно жить.

Сюй Синчжи наступил на камень в ручье:

— Ты смельчак. Зная, что твоя кровь пробудилась, остался в долине Цинлян? Ты что, не слышал о Вэнь Сюэчэне?

— Только слухи... — Лу Юйцзю опустил голову. — Говорят, старший брат Вэнь ненавидит тех, кто не следует праведному пути...

— Ненавидит — это мягко сказано. Сколько тебе лет?

— Четырнадцать, — послушно ответил Лу Юйцзю.

Сюй Синчжи выдохнул:

— В год твоего рождения народ Минъя был в зените своей жестокости. Вэнь Сюэчэнь в детстве собственными глазами видел, как призраки вырезали его семью. Этот ужас спровоцировал у него болезнь сердца, он стал слаб и едва ходит. Он вступил в долину Цинлян, чтобы отомстить. Если ты знаешь, какой ценой он стал первым учеником, то должен понимать, какая ненависть заставляет его двигаться вперед.

Сюй Синчжи помнил тот день, когда Минъя пало. Вэнь Сюэчэнь, используя магию, пробивался сквозь ряды призраков, оставляя за собой кровавый след.

С детства слабый, обремененный тяжелыми мыслями, Вэнь Сюэчэнь слишком рано поседел. После битвы он выехал на своем кресле из гор трупов, и кровь, стекающая по его лицу, смешивалась с его слезами.

Сюй Синчжи, сам весь в крови, подошел к нему, одной рукой толкая кресло, а другой раскрыл веер, чтобы укрыть его зонтом с узором из мелких цветов. Он спрятал его слезы и скрыл от чужих глаз.

Никто не понимал ненависть Вэнь Сюэчэня лучше, чем Сюй Синчжи.

Лицо Лу Юйцзю побелело:

— Старший брат Сюй, я понял, что вы имеете в виду...

Сюй Синчжи приподнял бровь:

— И что же ты понял?

— Я немедленно покину долину...

— А кто просил тебя уходить? — Сюй Синчжи усмехнулся. — Я к тому, что тебе нужно быть осторожнее. Не используй призрачные техники, а то, если Вэнь Белобрысый узнает — тебе конец.

— ... — Лу Юйцзю остолбенел.

Вэнь... Вэнь Белобрысый...

Глава долины Цинлян был человеком вольным, а всеми делами заправлял Вэнь Сюэчэнь. В долине царила строгая иерархия, а сам Вэнь был человеком суровым, почитаемым среди младших учеников как божество. Услышав прозвище, Лу Юйцзю не сразу пришел в себя.

— Старший брат Сюй, вы хотите сказать, что я могу остаться?

Сюй Синчжи похлопал его по голове:

— Конечно. Подумай сам: быть культиватором-призраком, но хранить верность праведному пути — это же здорово.

— Старший брат Сюй, вы не расскажете старшему брату Вэню?

— Доносительство — самое низкое занятие на свете, — Сюй Синчжи отпил воды из фляги, протер горлышко рукавом и протянул ее мальчику. — Когда я только пришел на гору Фэнлин, я тоже участвовал в празднестве Дунхуан. Мы с молодым господином Чжоу из Интяньчуань подрались из-за пары игл дикобраза. Он был избалованным и дерзким, а я тогда был неопытен, и он повредил мне правую руку. Учитель спросил, что случилось, а я сказал, что сам ударился — не хотел впутывать его.

Лу Юйцзю с надеждой спросил:

— Почему?

Сюй Синчжи улыбнулся:

— Если бы я донес, учителя наказали бы его, а я что, просто так получил бы побои? Я не люблю оставаться в убытке.

— ...А потом?

— Через два года на том же празднестве я нашел укромный уголок и сам его побил.

Лу Юйцзю: «...»

...Злопамятные люди страшны.

Закончив рассказ, Сюй Синчжи похлопал Лу Юйцзю по голове:

— Запомни: никому не говори, кто ты. Достаточно того, что об этом знаем мы двое.

Лу Юйцзю был ошеломлен таким доверием:

— Старший брат Сюй, а вы не боитесь, что однажды...

Сюй Синчжи забрал флягу и превратил ее обратно в веер:

— Чего бояться? Что ты изменишь своим принципам? Что предашь долину Цинлян?

Лу Юйцзю молчал.

Сюй Синчжи легко добавил:

— Об этом будем думать, когда это случится. А пока ты проявил доблесть, прикрывая отход других, и я не собираюсь выгонять тебя из места, которое ты с таким трудом нашел.

Сюй Синчжи наклонился ближе, отбросив шутливый тон:

— Но слушай внимательно, Лу Юйцзю: если когда-нибудь ты обнажишь меч против долины Цинлян, я отвечу тем же. Обещаю лишь, что мой меч не выйдет из ножен первым. Понял?

Лу Юйцзю выпрямился и серьезно кивнул.

Сюй Синчжи протянул мизинец:

— Договорились?

Лу Юйцзю склонился и коснулся губами кончика его пальца.

Сюй Синчжи замер:

— ...Это еще что?

Лу Юйцзю покраснел:

— Это высший знак верности в народе Минъя. Это значит дать клятву.

Сюй Синчжи рассмеялся и сорвал с шеи мальчика его именную бирку.

Лу Юйцзю пошатнулся, удивленно глядя на него.

Эта бирка была у каждого участника, она была связана с подвеской Сюй Синчжи и позволяла следить за состоянием учеников. Если адепт получал ранение, он больше не мог продолжать состязание.

Сюй Синчжи, исполняя свои обязанности распорядителя, сложил бирку и сунул ее за пазуху Лу Юйцзю, похлопав его по плечу:

— В этом году твоя квалификация аннулирована. Лечи раны и приходи через два года.

Празднество Дунхуан проходило на платформе Луван. Ученики четырех сект занимали свои павильоны. Вечерело, и те, кто искал ритуальные предметы, возвращались, чтобы отдохнуть перед завтрашним днем.

Ученики долины Цинлян отдыхали в Южном павильоне, и, передав им раненого Лу Юйцзю, Сюй Синчжи направился к Северному павильону, где расположилась секта Фэнлин.

Издали он увидел две фигуры, сидящие плечом к плечу у входа в павильон.

Сюй Синчжи почувствовал, что это маленькие Цзючжи Дэн и Мэн Чунгуан.

Они сидели не слишком близко: один плел кольцо из травы, другой, при свете свечей, что-то писал в бамбуковом свитке.

Сюй Синчжи подошел и кашлянул.

Оба разом подняли головы — зрелище было невероятно милым.

Глаза Мэн Чунгуана засияли, словно он ждал встречи целую вечность.

Цзючжи Дэн, напротив, выглядел куда спокойнее.

Он поприветствовал:

— Старший брат вернулся.

<http://bllate.org/book/22484/2370470>